

Лин Рина

*Вселенная
Анимант
Крамб*

*Лондонские
хроники*

*Совершите долгожданное путешествие
по викторианскому миру Анимант!*

Лин Рина
Вселенная Анимант Крамб.
Лондонские хроники
Серия «Young Adult. Немецкое
магическое фэнтези»
Серия «Вселенная
Анимант Крамб», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66261358

Вселенная Анимант Крамб. Лондонские хроники: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-158086-5

Аннотация

Герои романа возвращаются, чтобы снова погрузить вас в уютную атмосферу викторианской Англии.

Вас ждет уникальное дополнение к книге в формате писем, заметок и рассказов с атмосферными иллюстрациями. Англия XIX века, рецепты чая, изысканные наряды и дневниковые записи. Как сложились судьбы Анимант и мистера Рида? Что происходило до основных событий первой книги и какие еще семейные тайны нам предстоит узнать?

Роскошные балы, тугие корсеты и светские мероприятия –
двери в мир Анимант Крамб открыты!

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Анимант Крамб	11
Томас Рид	21
В душе у мистера Рида,	23
Исторический роман	45
Стихотворение моей любимой	48
Генри Крамб	51
Рейчел Коэн	53
О мелочах, которые меняют мир	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Лин Рина

Вселенная Анимант Крамб.

Лондонские хроники

Lin Rina

Animants Welt: Ein Buch über Staubchronik

© Москаленко К., перевод на русский язык, 2021

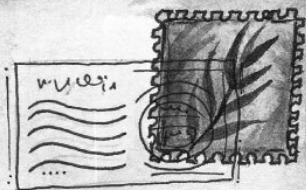
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2021

* * *

Для Джул, Джаз и Ноны

– И что бы ты сейчас делала, будь у тебя выбор? – поинтересовалась она, и мне не потребовалось много времени на раздумья.

– Я бы сидела в своем кресле и читала, – ответила я.

Элиза Хэмпилтон
в Лондон

19 мая 1891

Дорогая Элиза.

Время пришло! Приготовления завершены, все необходимое упаковано, и мама даже удовлетворена моим выбором одежды. На следующей неделе в среду я возвращаюсь в Лондон.

Я безумно счастлива. Кто бы мог подумать, что я так сильно буду скучать по этому шумному, суррогатному городу. У меня покалывает в пальцах, когда вспоминаю об узких улочках, чайных и даже о толпах людей, окружающих меня там.

Мы непременно посетим с тобой каждый найденный книжный магазинчик и вместе вытерпим эти нелепые обязательные приемы с глупыми джентльменами. Ах, как же мне не хватает твоей прозорливости и остроумия!

В пятницу я должна пережить еще один бал без тебя, а потом наконец смогу позволить своим мыслям устремиться в Лондон.

Естественно, до свадьбы я останусь у дяди. Какой бы непристойной ни была твоя фантазия, в реальности вернуться в дом для персонала не представляется возможным, дорогая Элиза. Жить по соседству с женихом? Дома разразился бы скандал.

19 Мая 1891

Дорогая Элиза.

Время пришло! Приготовления завершены, все необходимое упаковано, и мама даже удовлетворена моим выбором одежды. На следующей неделе в среду я возвращаюсь в Лондон.

Я безумно счастлива. Кто бы мог подумать, что я так сильно буду скучать по этому шумному, дурнопахнущему городу. У меня покалывает в пальцах, когда вспоминаю об узких улочках, чайных и даже о толпах людей, ожидающих меня там.

Мы непременно посетим с тобой каждый найденный книжный магазинчик и вместе вытерпим эти нелепые обязательные приемы с глупыми джентльменами. Ах, как же мне не хватает твоей прозорливости и остроумия!

В пятницу я должна пережить еще один бал без тебя, а потом наконец смогу позволить своим мыслям устремиться в Лондон.

Естественно, до свадьбы я останусь у дяди. Какой бы непристойной ни была твоя фантазия, в реальности вернуться в дом для персонала не представляется возможным, дорогая Элиза. Жить по соседству с женихом? Дома разразился бы скандал.

Кстати о скандалах: моя мама заработала сердечный приступ и зараз опустошила целый стакан пунша, когда услышала, что я снова хочу работать в библиотеке. Мысль о том, что обеспеченная молодая девушка работает, еще тогда казалась ей абсурдной, но шанс встретить в Лондоне человека, отвечающего моим требованиям, убедил ее. Теперь же то, что обрученная барышня, и уж тем более замужняя, работает, для нее столь же непонятно, как и тот факт, что моим супругом станет угрюмый библиотекарь.

Мне кажется, она хотела кого-то более разговорчивого, так как каждый раз пытается вовлечь бедного Томаса Рида в обсуждение самых бессмысленных тем. Когда он две недели назад приезжал к нам, она спросила его мнение о красном шелке.

Ох, Элиза, мне снова становится смешно, когда я вспоминаю его ответ и лицо моей матери.

Он лишь сказал, что лучше носить его, чем быть голым, и мама от испуга расплескала чай из чашки. После этого она больше ни о чем его не спрашивала и на один вечер оставила бедолагу наедине со своей книгой.

Впрочем, помолвка прошла успешно. Не знаю, как ему удалось не выйти из себя перед лицом стольких лицемерных поздравлений и раздраженных взглядов. Но я очень горжусь тем, что он ни разу не потерял самообладания и даже время от времени улыбался. Боюсь, он действительно влюблен в меня, потому что даже не упрекнул, когда я больше не могла

сдержаться от смеха над ним.

Когда официальная часть закончилась, мы с Томасом сели на скамью в саду и прятались там. Пока не зашло солнце, я читала ему сказки братьев Гримм, которые дядя Альфред прислал нам в качестве подарка.

Учитывая, что дядя довольно скептически отнесся к помолвке, его подарок был очень подходящим и единственным, с которым мы оба знаем что делать.

Жаль, что ты не смогла приехать. Однако я надеюсь, что твои экзамены прошли успешно и ты смогла наладить нужные контакты на утреннем представлении свободных искусств, о котором мне писала. Я считаю твое решение заняться политикой, чтобы защищать права женщин, отличным и буду очень рада поддерживать тебя в этом деле, где только смогу.

Я с нетерпением жду возвращения в библиотеку, к книгам и атмосфере, к Оскару и Коди. И того, что смогу снова почувствовать себя полезной.

Но мысль о книжном магазине не выходит у меня из головы. Давай придумаем фантастические, совершенно далекие от реальности идеи, когда увидимся.

Твоя близкая подруга

Анимант

Анимант Крамб

Когда я искала свои первоначальные наброски к «Анимант», то обнаружила, что основная идея этой книги существует гораздо дольше, чем мне казалось сначала.

Мои первые зарисовки Ани были сделаны в 2003 году. Тогда она еще обладала эльфийскими ушами и была прекрасной помощницей угрюмого магического архивариуса по имени Морис. Ее звали Ханна Томсон, которая получила прозвище Анни.

Однажды вечером, перед сном, я задалась вопросом, нельзя ли сделать из имени Анни более оригинальное. Поэтому, пока засыпала, без разбора перебирала слоги, начинающиеся с «Ани».

На следующее утро в моей голове осталось только одно имя: *Анимант*.

Согласно моим первым задумкам, она была милой спокойной девушкой с каштановыми волосами, румяными щеками и романтически мечтательными глазами.

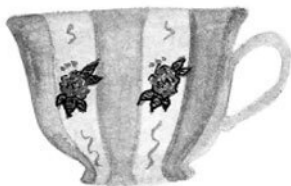
Но потом наступила та роковая ночь, когда я не могла уснуть и эта история проносилась у меня в голове снова и снова. Мысли не хотели покидать мой разум, поэтому я, недолго думая, схватила ноутбук, чтобы переложить первые слова на бумагу.

Так между двумя и тремя часами ночи возник пролог, перевернувший все с ног на голову. Потому что здесь Анимант сразу перестала быть милой девушкой, которая зачи-

тывалась любовными романами и мечтала о большой любви. Она оказалась хитрой, саркастичной и временами даже заносчивой.

Примерно в то же время я нашла в интернете фотографию, которая дополнила мое представление об Ани: светловолосая девушка с лукавым взглядом, уткнувшаяся в книгу. Так что я изменила цвет волос Анимант, ее цели и желания и таким образом начала свой первый исторический роман, еще не зная, что меня ждет.

Чайное наслаждение

«Эрл Трей»

с капелькой
молока
и сахаром

«Английский
завтрак»

с капелькой
молока

«Ассам»

со сливками и сахаром

Матиней чай

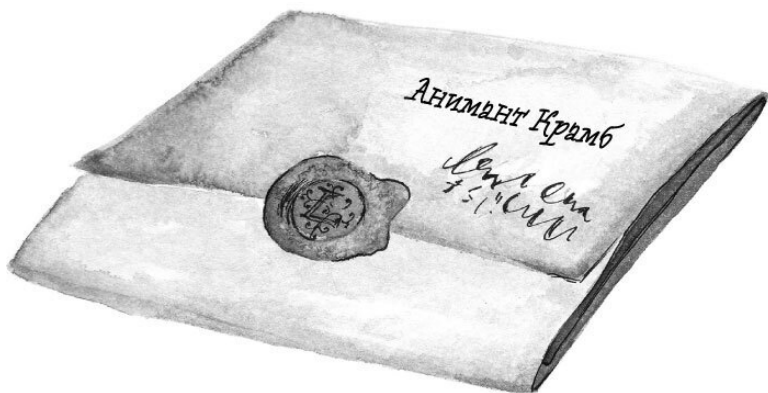
«Дарджилинг»

Мистер Рид удивленно вскинул брови, и впервые с тех пор, как я вошла в кабинет, его взгляд приподнялся над оправой очков, когда он посмотрел прямо на меня.

Его глаза были темно-карими, как каштаны.

– Вам идет сарказм, – произнес он, и легкая кривая усмешка подсказала мне, что эти слова были комплиментом.

– Спасибо.

20 мая 1981

Милая Аннимант,

уже три недели как я вернулся в Лондон, и кажется, что Здесь вообще ничего не происходит. Знаю, что влюбленные пишут друг другу романтические строки, но я не знаю, о чем тебе рассказать.

Дела в библиотеке идут как обычно. Оскар и Коди, на удивление, рады моему возвращению. Они постоянно спрашивают о тебе. Особенно Коди.

Новость о нашей помолвке распространилась молниеносно. Господи, как может быть такое, что никто, о чем я никому не говорил, все равно известно каждому? Не понимаю любовь людей к сплетням.

Даже миссис Кристи уже все знает и передает привет.

Должно быть, что-то случилось. Потому что обычно она в страхе убежала, как только я заходил в дом. А теперь, кажется, чувствует, что в праве удостаивать меня минутными монологами. Как будто у меня нет других, более приятных дел.

Мир сошел с ума.

К счастью, через неделю ты возвращаешься в Лондон. Это безумие должно закончиться. Я не знаю, как справиться с этим в одиночку, говорю лишь, чтобы они обращались к тебе.

20 мая 1981

Милая Анимант,

уже три недели как я вернулся в Лондон, и кажется, что здесь вообще ничего не происходит. Знаю, что влюбленные пишут друг другу романтические строки, но я не знаю, о чем тебе рассказать.

Дела в библиотеке идут как обычно. Оскар и Коди, на удивление, рады моему возвращению. Они постоянно спрашивают о тебе. Особенно Коди.

Новость о нашей помолвке распространилась молниеносно. Господи, как может быть такое, что нечто, о чем я никому не говорил, все равно известно каждому? Не понимаю любовь людей к сплетням.

Даже миссис Кристи уже все знает и передает привет.

Должно быть, что-то случилось. Потому что обычно она в страхе убегала, как только я заходил в дом. А теперь, кажется, чувствует, что в праве удостаивать меня минутными монологами. Как будто у меня нет других, более приятных дел.

Мир сошел с ума.

К счастью, через неделю ты возвращаешься в Лондон. Это безумие должно закончиться. Я не знаю, как справиться с этим в одиночку, говорю лишь, чтобы они обращались к тебе.

Пару дней назад в библиотеку пришла твоя подруга, Элиза Хэммильтон, чтобы передать сообщение от мисс Брэндон-Уэлдерсон. Почему ты никогда не упоминала, что мисс Хэммильтон ее подопечная? Или я просто забыл?

По крайней мере, общаться посредством писем гораздо приятнее, чем когда она сама приходила сюда. В основном потому, что свободное место в шкафу я заставил книгами.

Помимо этого, мисс Хэммильтон лично извинилась передо мной за пиратский сговор, который вы вдвоем придумали. Она действительно дерзкая девушка, которую просто облачили в элегантные наряды, чтобы создать видимость приличия.

Я не могу не поздравить тебя с таким выбором близких людей. Мне очень льстит, что ты окружаешь себя теми, кто может мне понравиться.

Также меня почтил и твой дядя. Однако я не знаю, как истолковать его поведение. Жгучая смесь подавленного гнева и неизбежность принять меня как члена семьи. Я бы громко посмеялся над ним, если бы не боялся, что потом он откусит мне голову.

Серьезно. Мир свихнулся. Возвращайся скорее, пока и я не потерял рассудок.

Чем бы все закончилось, если бы мужчина с моими недо-

статками характера начал обсуждать с другими людьми нашу помолвку? Не могу представить, какой вред я мог бы нанести в таком случае.

Возьми с собой, пожалуйста, роман «Путешествие Джексона Троуга в Индию». Мне не удалось закончить его, пока был у вас.

Со всей любовью, доступной моему сердцу.

Твой Томас

Томас Рид

У меня слабость к угрюмым мужчинам. Молчаливым, которых нужно сначала разгадать. С которыми нужно провести много времени, прежде чем понять, что они думают и чувствуют, потому что их нелегко считать.

Даже если ты выдумал их сам.

Томас Рид был сложной задачей не только для Анимант, но и для меня. Как прописать человека, который поначалу должен казаться неприятным, хотя ты любишь его с самого начала?

С момента знакомства Анимант узнает его как грубого высокомерного мужчину, который смотрит на нее свысока и засыпает работой, чтобы как можно скорее избавиться от нее. Но с каждым новым аспектом, который она о нем узнает, его образ в ее глазах меняется.

Мне всегда было крайне важно, чтобы характер мистера Рида не изменился. Я не хотела истории о том, где он сперва является ужасным подлецом, но благодаря растущим чувствам к Ани бросает свои дурные привычки. Я хотела создать персонажа с неизменным характером.

Вначале он груб и по-прежнему остается таким и в конце, поэтому, оставаясь верным себе, продолжает задевать Анимант, одновременно делая ей комплимент.

Что меняется, так это позиция Анимант. Она понимает его точку зрения, его ценности и что его характеризует.

Кроме того, через него она предвещает и свои собственные ошибки, как в зеркале, даже если она не видит этого в первых главах *«Книжных хроник»*.

Это создает возможность возникновения конфликта.

Больше всего я люблю описывать эмоциональные переживания, горячие споры и ссоры. С Анимант и ее библиотекарем мне было особенно приятно, когда их упрямые головы сталкивались друг с другом.

В душе у мистера Рида, или Что на самом деле произошло между последней главой и действительно последней главой

«Просто какая-то девушка», – подумал он, впервые увидев ее. Когда она вместе со своим дядей появилась в библиотеке с высоко поднятой головой и осанкой богатой леди, полагавшей, что мир что-то ей должен, он мог думать только о том, как в кратчайший срок выгнать ее из своих священных залов.

Как он мог предположить, что ее глаза так блестели не потому, что снаружи дул пронзительно-холодный ветер, а потому, что она ощутила то же самое, когда он сам впервые вошел в библиотеку. Поток книг, заставляющий сердце забиться, и покалывающие завитки знаний.

Он думал, что избавиться от нее будет легко. Задача довести избалованную девушку до грани отчаяния казалась ему тогда все равно что детской игрой.

Но то, что он сейчас чувствовал, не имело уже никакого отношения к детским играм.

Снаружи не переставая шел снег, и звенящий холод давил на оконные стекла. Подавленный Томас Рид плотнее завер-

нулся в свое пальто, так как не удосужился разжечь камин в соседней комнате, и запретил себе думать о том, что бы сделала она, будь сейчас здесь.

Потому что ее здесь не было. И это к лучшему.

По крайней мере, он продолжал убеждать себя в этом, цепляясь за эту мысль, как за спасательный круг в открытом море.

С усилием он снова сосредоточил свое внимание на письме, которое писал, и раздраженно выдохнул, когда заметил, что уже оставил несколько клякс на бумаге перьевой ручкой, пока его разум был затуманен.

Черт возьми, что происходит с ним сегодня? Разве с неделями не должно становиться лучше? Разве не говорят, что время лечит?

Он отложил пишущий инструмент куда-то в ужаснейший хаос на его столе и решил вернуться к написанию письма позже. Слишком мало концентрации.

Чтобы получить ее, ему нужно больше спать. Но сон оставил его после того, как он разобрал ящик с последними доставленными книгами, которые пришлось заменить после происшествия с чемоданом.

Это вырвало его из героического спокойствия и снова ткнуло пальцем в больное место, которым стало его разрушенное сердце. Он вспомнил то утро, когда здесь его ждали дождь, осколки и уничтоженные книги. Она опоздала из-за сильного ветра, и он боялся, что именно в этот день она по

горло насытилась его колкостями.

Он знал, что у нее боевой дух, она доказывала ему это каждый день, когда пробивалась и сохраняла самообладание. Это было удивительно, и все же оставался вопрос. Почему? Почему богатая девочка явилась в библиотеку и работает не покладая рук?

Но когда она подбежала к нему по лестнице и увидела уничтоженные книги, он внезапно осознал, в чем причина всего этого. Слезы стояли в ее пасмурно-голубых глазах, а мягкие черты лица исказились в полном ужасе, словно перед глазами разыгралось убийство.

Она была здесь из-за книг.

Может быть, также из-за своенравия и гордости, или еще чего-то. Но основой всего были книги.

Как он мог изводить девочку, которая пришла сюда так же, как и он много лет назад, когда был еще мальчиком, сыном мясника, благоговейно проводившим своими грязными пальцами по книжным корешкам?

Он преодолел условности и сословия, чтобы стать библиотекарем. И она собиралась сделать то же самое.

Анимант Крамб.

Только он подумал о ее имени, как его душа согрелась в равной степени, как и разорвалась на части. Ее насмешливый взгляд, всегда вежливая улыбка на губах, которая лишь скрывала ее истинные мысли; то, как она насмехалась над его приступами ворчания.

Стук в дверь вернул его в реальность.

– Войдите, – резко ответил он, хотя предпочел бы остаться один. Но избавиться ото всех не помогало. Теперь ему нужно было управлять библиотекой. Также без нее.

– Мистер Рид, – вежливо произнес Оскар, прочистив горло, затем опустил взгляд и насторожился, чтобы избежать причуд Томаса Рида, если они снова заставят его бросить пресс-папье вслед своим помощникам.

– Что случилось, Оскар? – спросил он, стараясь не выставлять свое плохое настроение напоказ, как в последние шесть недель.

Шесть недель. Ему с трудом верилось, что он так долго прожил без нее.

Он считал себя скорее плохим, чем правым, и раньше всегда пользовался своим статусом чудака, потому что никому не было до него дела. До тех пор, пока она не проникла в его сердце.

Это был тот день, когда произошел несчастный случай.

Он только закончил написание заявки и был удивлен тем, как быстро шли дела, когда в его кабинете царил порядок. Конечно, он никогда не признаётся Анимант в том, что, несмотря на честные попытки, он не в состоянии поддерживать этот порядок.

Громкий стук металла по металлу заставил его вздрогнуть. В отличие от постоянного шума поисковой машины, который было отчетливо слышен в его кабинете, этот непри-

вычный звук сразу сбил его с толку.

Он тут же вскочил со стула и поспешил внутрь, боясь, что механизм поврежден и вскоре выведет из строя всю машину. Потому что никто из них не мог себе позволить такую оплошность.

Но дверь была открыта, и в глубине комнаты он увидел ящик с узкими карточками, на которых Анимант Крамб вырезала ключевые слова.

Страх пронзил его тело гораздо сильнее, чем он ожидал. Он позвал ее и услышал такой жалобный стон, что ему захотелось тут же броситься к ней.

То, что он вытащил сильную женщину-бойца из машины сломленной, дрожащей и плачущей в его руках, тронуло его душу и унесло в бездну, носившую ее имя.

Взгляд, которым она посмотрела на него и поблагодарила за спасение, ее глаза, в которых он увидел себя рыцарем, предопределили его судьбу.

И, хотя ему не хотелось признавать этот факт на балу во время вальса при свете свечей, он жаждал вновь ощутить на себе этот взгляд, стать ее спасителем и нести ее на руках, в какое бы путешествие она ни отправилась, как в тот роковой день.

Но это было невозможно. Казалось, он мог рассчитывать на что-то одно: либо носить ее на руках, либо быть ее спасителем.

Если бы он позволил ей остаться, то обрек бы ее на несча-

стве. В этом не было никаких сомнений. Даже ночью, ворочаясь в поисках сна, он мечтал о том, чтобы стать достойным ее.

– Одному из студентов нужна консультация, – сообщил ему Оскар, и Томас Рид фыркнул.

– А где же мистер Чемберли? – ворчливо поинтересовался он и уже успел подумать, что стало с наивным простофилей.

– Он уволился вчера, сэр, – подтвердил его мысль Оскар, на что он кивнул. Еще один помощник, который не смог сравниться с ней. Неудивительно, ведь она была идеальной.

Мысль о том, чтобы разбираться с глупостью некоторых студентов, которые даже не могут просмотреть книги в обратном алфавитном порядке и найти нужную, не была достаточной причиной того, чтобы отвлечь его от воспоминаний.

Но он готов использовать любую возможность.

– Он ждет вас в отделе юриспруденции, – быстро объяснил Оскар, когда библиотекарь снял очки и повесил их на вырез своего жилета.

– Я позабочусь об этом. Спасибо, Оскар, – выпалил он и встретился с удивленным взглядом работника. Оскар сразу же бесшумно выскользнул из кабинета.

Томас Рид покачал головой и осознал, что в этом была его вина. Оскар и Коди избегали его. Каждый, кто только мог, сторонился его.

Будь у него выбор, он бы тоже избегал самого себя.

Но он должен жить с собой. С плохим настроением и эго-

истичными мечтами, в которых девушка снова сидела в его квартире и перелистывала страницы книг. Устремив взгляд на написанное, погруженная мыслями в строки, пока он не подойдет к ней и она не поднимет голову. После этого в своих мечтах он делал то, что строго запрещено в реальной жизни: целовал ее.

Если бы он только сделал это в реальной жизни...

Томас Рид поправил жилет, собрался с мыслями и вышел из кабинета в кольцевой проход. В стеклянном куполе, сквозь который проникал слабый свет нового года, было видно, как по небу проносились серые тучи.

Нет, хорошо, что он не поцеловал ее. Иначе появилось бы еще что-то, по чему бы он скучал. Еще одно воспоминание, которое преследовало бы его, когда он ступал в знакомые места, в библиотеку, в квартиру. Самым худшим была маленькая квартира, в которой она жила и которою он вновь заставлял книгами.

Ему не следовало позволять ей переезжать сюда так близко к себе. Когда он показывал ей комнату, то был твердо уверен, что она откажется, потому что наверняка испугается стесненных условий. Но этого не произошло.

Неловкость охватила его при мысли, что рядом с ним будет жить девушка, особенно после того, как случай, когда он вынес ее на руках из машины, глубоко засел в его сердце.

Он сразу же отдал ей ключ от смежной двери, хотя обычно оставлял его у себя, потому что не хотел дарить недоумкам,

которые жили здесь до этого, возможность вломиться в его квартиру.

Но на тот момент он доверился строгости и прямолинейности Анимант больше, чем самому себе, и избавился от искушения, зная, что не сможет войти в ее комнату.

А потом она сама пришла к нему. Когда он мучился от лихорадки из-за своей влюбленности, под влияние которой так сильно попал после бала, что бежал домой под дождем, чтобы успокоить свою беспокойную душу.

Его упрямая и чудесная Анимант.

Как много бессонных ночей ему было уготовано, чтобы в этих скромных комнатах узнать ее. И как много их будет теперь, когда ее здесь больше нет.

Пока он спускался по ступенькам, его мысли вернулись в реальность, и он сделал несколько шагов к одному из нескольких студентов, которые так скоро после празднования Нового года вернулись к изучению учебного материала. Молодой человек поднял взгляд, однако его лицо не было знакомо Томасу Риду, и от него последовали такие глупые вопросы, что библиотекаря захотелось прогнать его. Он с трудом сдерживался, чтобы сразу не высказать этому глупцу, что с такой сообразительностью он никогда не окончит курс юриспруденции.

Однако, когда к нему подошел другой студент, чтобы достать определенную книгу с полки, весь гнев испарился из легких библиотекаря, оставив после себя лишь одышку. Вы-

сокий молодой человек тихо бормотал под нос, пока искал вторую книгу, а его лицо было точной копией его сестры.

Сердце Томаса Рида забилося чаще, а нервозность добралась до кончиков пальцев. Это был всего лишь ее брат, Генри. Но он был прямым напоминанием о девушке, по которой мужчина отчаянно скучал.

Что с ней? Она все еще была в милях отсюда, в родительском доме где-то неподалеку от Бата? Чем она занималась? Что сейчас читала? Думала ли о нем время от времени?

Вопросы крутились на языке, и он с трудом удерживал их в себе.

Генри Крамб поднял голову, словно почувствовав, что кто-то на него смотрит, и приветливо кивнул Томасу Риду головой, когда их взгляды встретились.

– Мистер Рид, – поприветствовал он, и библиотекарь подошел к нему, совершенно забыв о другом студенте.

– Мистер Крамб. Рад вас видеть, – откликнулся он и услышал предательскую нервозность в своих собственных словах.

– В самом деле? – Генри Крамб выглядел удивленным, словно сразу понял, что за фразой Томаса Рида стояли корыстные мотивы.

Он пытался притвориться невиновным, но был слишком напряжен, чтобы совершить такой подвиг. Из его уст вырывалась лишь грубость.

– Как поживает ваша сестра? Вы говорили с ней? – с тру-

дом выдавил он, потому как язык будто приклеился к небу.

Генри Крамб кивнул, казалось, не заметив его грубые интонации, и даже улыбнулся.

– Да, я приезжал домой на Рождество. Думаю, она очень скучает по Лондону, – заявил он, одаривая мистера Рида испытующим взглядом, который заставил библиотекаря внутренне содрогнуться.

Может быть, он все знал и играл в вежливую приветливость так же блестяще, как Анимант?

– Она рассказала вам, что произошло? – спросил он, на что молодой студент покачал головой.

– Нет, мистер Рид, – ответил он с вымученной улыбкой и тихо вздохнул. – Впрочем, это неудивительно, так как моя сестра уже несколько недель почти не разговаривает.

Невидимая рука схватила сердце Томаса Рида и безжалостно раздавила его. В минуты слабости он с удовольствием представлял, как она сидит дома, устремив взгляд вдаль, и страдает так же, как он делал это каждый день.

Но, конечно же, он не желал ей этого. Ему хотелось знать, что она смотрит в будущее. Упрямо и воинственно, высоко подняв голову, с добротой в глазах и усмешкой на губах.

– Она читает? – уточнил он, зная, что хорошая история во многих ситуациях может утешить. Очень редко, когда он сосредотачивался на одной из них, на несколько мгновений погружаясь мыслями в роман, отчего ему становилось легче дышать.

– Иногда, – ответил Генри Крамб, и по его выражению лица было ясно, что он тоже обеспокоен.

Томас Рид судорожно сглотнул.

– Иногда? – недоверчиво переспросил он.

Анимант, которая не читает, не могла существовать в реальности. Чувство вины захлестнуло его, практически раздавило, и лицо приобрело отсутствующее выражение.

– Вы беспокоитесь о ней? – поинтересовался Генри, но библиотекарь надеялся, что это был риторический вопрос, так как не смог ответить на него, а только схватился рукой за одну из полок. Неужели у нее все было так плохо, что она пренебрегла своим любимейшим увлечением?

– Мистер Рид?

Но если это действительно так, было ли что-то, чем он мог помочь? Мог ли он послать ей книгу? Должен ли он вообще вмешиваться?

– Мистер Рид!

Томас Рид поднял взгляд и встретился с голубыми глазами своего собеседника. Его пугало и завораживало, как были похожи черты лица Генри и Анимант.

– Вы любите мою сестру, – совершенно внезапно произнес Генри, словно прочитал это по его лицу, и Томас Рид тут же выпрямился.

Его сердцебиение участилось, зрачки расширились, а дыхание перехватило, словно ужас неожиданно резко вытолкнул воздух из легких.

– Мистер Крамб, это... Вы не должны... делать поспешные выводы, – запинаясь, произнес он, но молодой человек не слушал его, только покачал головой и провел рукой по темно-русым волосам, выражая заинтригованность.

– Это кое-что объясняет, – прошептал он скорее себе, и Томас Рид в оборонительном жесте скрестил на груди руки, потому что не знал, как еще помочь себе.

– Ах, в самом деле? – лишь фыркнул он, и застигнутый врасплох Генри снова поднял на него взгляд, буквально пронзая его смелым взглядом.

– Что произошло? Я имею в виду, Ани просто сбежала из Лондона. Хотя очевидно, что она ужасно страдает от любовных томлений, – спросил он, и в его позе проскользнул намек на подозрение.

– Я и пальцем не тронул вашу сестру! – тут же ошетинился библиотекарь и всплеснул руками. Если он чего-то и не хотел, так это того, чтобы Генри Крамб сделал неверные выводы.

Однако тот засмеялся и сразу же успокоился, так как его голос прозвучал слишком громко для читального зала.

– Мистер Рид, я бы никогда не обвинил вас в этом, – он понизил голос и сделал шаг к нему, чтобы продолжить разговор в более доверительной форме. – Даже если некоторым трудно в это поверить, мое мнение о вас превосходное, и я считаю вас порядочным и честным мужчиной.

Даже Томасу Риду было трудно в это поверить, и он недо-

верчиво приподнял брови.

– Я удивлен, – признался он, на что Генри лишь усмехнулся.

– Но вы любите друг друга, – он вновь вернулся к теме, которую Томас совершенно не хотел обсуждать. Не с Генри Крамбом. И ни с кем другим тоже.

Он хотел бы просто забыть, но точно знал, что не сможет. Однажды ему уже довелось пережить несчастную любовь, но она была просто несравнима с чувствами к Анимант Крамб.

Она вновь проникла в его мысли, в которых, просматривая заумные названия книг и авторов, одарила его мимолетным взглядом, сама того не осознавая, очаровывая им.

– Я не знаю. Мисс Крамб никогда не признавалась мне, – заявил он, с горечью пробуя ложь, стекающую по его горлу. Она никогда не озвучивала, но он точно об этом знал.

– Но вы знаете, что она любит вас, – перешел к главному Генри, на что Томас Рид громко фыркнул, не в силах препятствовать дальнейшему разговору.

Конечно, он мог бы просто уйти и вновь закрыться в своем кабинете и погрузиться с головой в работу. Но не в этот раз. Хотя Генри – не то же самое, что его сестра, Томас чувствовал некую связь с ней, когда разговаривал с ее братом. И для него было бы слишком тяжело так просто покончить с этим. Даже если он никогда не сможет ее заполучить.

– Мистер Крамб, даже если бы это было так, это не имеет никакого значения. В последние несколько дней своей ра-

боты Анимант... – он прочистил горло, – мисс Крамб была сильно обеспокоена семейными обстоятельствами...

– Моей помолвкой с Рейчел, – прямо закончил Генри Крамб, который сразу понял, о чем идет речь, и библиотекарь был рад, что ему не пришлось произносить это вслух. В конце концов, он не имел права вмешиваться. Вообще-то он даже не должен был знать о подобных личных делах других людей.

– Да, – только и сказал он, не выдержав взгляда Генри Крамба, который смотрел на него так испытующе, словно мог заглянуть ему прямо в голову.

– Она рассказала вам об этом?

Томас Рид покачал головой.

– Она лишь упомянула, что ваш отец не считает эту связь подходящей, – он произнес ненавистные ему слова и хотел подавиться ими. Это стало началом конца, смертельным ударом по его надеждам, которые затем иссякли и оставили его одного во тьме.

Генри глубоко вдохнул, а затем медленно выдохнул.

– О Боже, – охнул он. – Я понял. Но вы ошибаетесь, мистер Рид.

– Прощу прощения? – Библиотекарь растерянно поднял голову, думая, что ослышался. Его сердце дрогнуло, а голова начала гудеть от всех крошечных искр надежды, которые он жестоко подавил в зародыше.

– Вы отвергли мою сестру, потому что решили, что мой

отец не примет ваши отношения? – Генри Крамб попал в самую точку, взмахнув в воздухе книгой, которую держал в руках. – Ах, не отвечайте, я уже вижу это по вашему лицу! – бодро фыркнул он и посмотрел Томасу Риду прямо в глаза. – Вы любите мою сестру?

– Мистер Крамб, я... – чувствуя неловкость, он запнулся, и студент болезненно ткнул его пальцем в грудь, так, что он бы упал, если бы не ухватился за стеллаж.

– Вы любите мою сестру? Простой вопрос, да или нет, – напирал он, и Томасу Риду казалось, что его череп расколосся.

– Да, – едва слышно выдавил он, открывая тем самым врата в самые потаенные уголки его естества.

Генри ткнул его в грудь второй раз.

– Тогда напишите ей, сумасшедший! – прошипел он, как опасная змея, и его взгляд мрачнел все сильнее. – Так как вы глубоко заблуждаетесь.

Анимант всегда точно понимала, что застигает библиотекарю врасплох своей яростью, что у него не было выбора, кроме как пойти на компромисс. И Генри ни в чем не уступал сестре.

– Мой отец поначалу был против моей помолвки, потому что Рейчел еврейского происхождения. Это не имело ничего общего с деньгами или положением в обществе. И чтобы окончательно переубедить, я с радостью приглашаю вас на нашу свадьбу. Она состоится восьмого апреля.

Томас Рид был ошеломлен, чувствовал, как мысли проносятся у него в голове, и ему потребовалось слишком много времени, чтобы правильно расценить эту совершенно новую для него информацию.

– Ваш отец дал свое согласие? – потрясенно спросил он и не мог понять этого, или, возможно, не хотел, потому что это значило бы для него больше, чем он мог вынести в своем нестабильном состоянии.

– Мой отец далеко не так упрям, как вы себе представляете. Он также узнает настоящую любовь, когда видит ее, – добавил Генри и пренебрежительно махнул рукой. – Кроме того, такому человеку, как вы, образованному мужчине, работающему руководителем, было бы легко угодить моему отцу в качестве зятя.

– Это... – Томасу Риду пришлось сделать глубокий вдох. Он всегда считал, что недостаточно хорош для семьи Анимант и что мнение ее отца наверняка никогда не изменится.

Возможно, потому что он судил по своему отцу, который после стольких лет все еще не простил его за то, что он не стал мясником и вместо этого строил академическую карьеру. Как он мог так ошибаться?

– Я не могу так просто написать ей, – выдавил он, и волна вины сбила его с ног. Он позволил Анимант уехать, полагая, что чрезвычайно мудр и все понимает, а теперь должен признать, что был неправ.

– Конечно, можете, – парировал Генри. – И, если вы это-

го не сделаете, я клянусь, что буду приходить сюда каждый день и наседать на вас до тех пор, пока вы не сделаете это, – прорычал он, демонстрируя такой неистовый гнев, который могли испытывать только старшие братья. – Если Анимант продолжит выплакивать из-за вас все глаза, хотя ваши чувства взаимны, я изменю свое хорошего мнение о вашей персоне, мистер Рид! – ожесточенно добавил он, демонстративно зажав книгу под мышкой и окинув библиотекаря таким убийственным взглядом, что Томаса Рида пробрала холодная дрожь. – Увидимся завтра, – молодой человек закончил угрожать и пошел обратно к своему столу, на котором стопкой лежали учебники.

Остаток дня Томас Рид провел словно в трансе. Снова и снова он проигрывал в своей голове разговор с Генри Крамбом и просто не мог понять, как мог так ошибаться.

Он намеренно причинил боль Анимант Крамб, выгнал ее, чтобы уберечь от бессмысленной боли, только чтобы сейчас выяснить, что именно на это он и обрек ее.

Только вечером, когда он, до смерти измученный, улегся в постель и почувствовал под собой холодные простыни, до него дошло, что все это значит. Каждую ночь, когда он, уставший, предавался мечтам, желая, чтобы Анимант была здесь, смеялась в гостиной, читала на диване, спала в его объятиях, это были не более чем мучительные желания, которые никогда не исполнятся.

Но теперь он знал, что сам встал у себя на пути. Все это могло стать реальностью.

Чувство вины и боль разлуки вынудили его вновь встать с постели, хотя усталость замедляла его движения. Он встряхнулся, похлопал по щекам ладонями, чтобы прогнать сонливость, и, пройдя обратно в гостиную, зажег лампу, которая всегда стояла на его столе.

Бесконечное количество слов проносились в его голове при мыслях о написании письма, но все же он не знал, как начать. Он сел за стол, чтобы взять в руки бумагу и перьевую ручку, и снова встал, беспокойно шагая по комнате.

«*Любимая Анимант*», – начал он и почувствовал, как усиливается чувство вины, как оно сильнее сдавливает грудную клетку, угрожая задушить его.

Была ли она все еще его любимой Анимант? Мог ли он в самом деле осмелиться обратиться к ней подобным образом?

«*Уважаемая мисс Крамб*», – написал он на бумаге, раздраженно покачал головой и смял листок.

Господи! В конце концов, он не был ни писателем, ни поэтом, ни даже скромным романтиком. Как ему написать на бумаге о том, как сильно он любил ее, что творилось с его сердцем, когда она лукаво усмехалась, или когда ее глаза искрились от гнева, или когда она была так близко к нему, что требовалось лишь простое движение, чтобы поцеловать ее?

Почему он ни разу не поцеловал ее?

Он нервно провел рукой по волосам. Это было не совсем

верно. Один раз он все-таки поцеловал ее, правда, только в лоб, но сделал это с трепетом.

Он вернулся мыслями в тот вечер в «Наперстке» с его братьями. Они заставили Анимант пойти с ними только для того, чтобы он тоже был вынужден присоединиться. Это он еще мог простить, но не то, как они над ней подшутили.

Он был всерьез обеспокоен, но этого следовало ожидать, потому что то количество алкоголя, которое ей втайне подливали, могло убить ее. Он был уверен, что, по крайней мере, Джимми сразу заметил, как сжалось его сердце, когда он так вспылil и повел Анимант домой.

Он выставил себя на посмешище, пытаясь не дать ей уснуть в карете, и из-за легкого опьянения, которое тоже охватило его, сказал слишком много. Рука на ее тонкой талии, запах ее волос, ее тепло так близко к нему. Сто тысяч искушений в его мыслях.

В конце концов она все-таки уснула, и он мог только надеяться, что она перестала воспринимать остальные его слова, когда он признался ей, что никогда не сможет быть достаточно вежливым и очаровательным, чтобы соответствовать ей. Это была правда, хоть и печальная.

Он нес ее в комнату на руках, чувствуя себя благородным рыцарем, коим на самом деле не был, так как бесстыдно воспользовался ее положением, прижавшись губами к ее лбу, чтобы вкусить лишь крошечный кусочек мягкой кожи.

Томас Рид ударил кулаком по столу и спрятал лицо в ла-

донях, чувствуя, как рушится мир над ним, потому что он не знал, как сможет написать ей.

Если бы дома был алкоголь, он бы с радостью воспользовался им. Но он уже проходил через такое ужасное время и поклялся себе не повторять этого. Алкоголь не принес ему облегчения, а вместо этого только погрузил его еще глубже во все чувства, которые горели в его жилах и с каждым днем все сильнее отравляли его.

Он смял следующую попытку подобрать правильные слова и затем еще одну, злясь на собственную слабость и театральность своего ума, который был так же глуп, как и нелеп.

Он прогнал ее своими ужасными заявлениями, наблюдал, как она покидает библиотеку в слезах, хотя точно знал, что она чувствовала.

Он был уверен с того момента в шкафу. Слишком легко было затащить ее в тесное пространство, и она слишком послушно осталась там сидеть, как бы невозможна ни была созданная им ситуация.

Тихо ругаясь, она подходила к нему все ближе и ближе, прислонилась к нему, позволила его хватке смениться на объятие и наконец переплела свои пальцы с его. С этого момента он был готов там же поцеловать Анимант, но боялся, что потом уже не сможет больше держать под контролем определенные реакции своего тела, и ему ни в коем случае не хотелось пугать девушку, сидящую на его коленях.

Так он держался до тех пор, пока его самообладание не

иссякло и ему не пришлось оторваться от нее, чтобы окончательно не потерять голову.

Ее щеки пылали, и он не смог удержаться, чтобы не подразнить ее, вследствие чего она сбежала. Но взгляд ее незабудковых глаз показал ему все, о чем он когда-либо грезил.

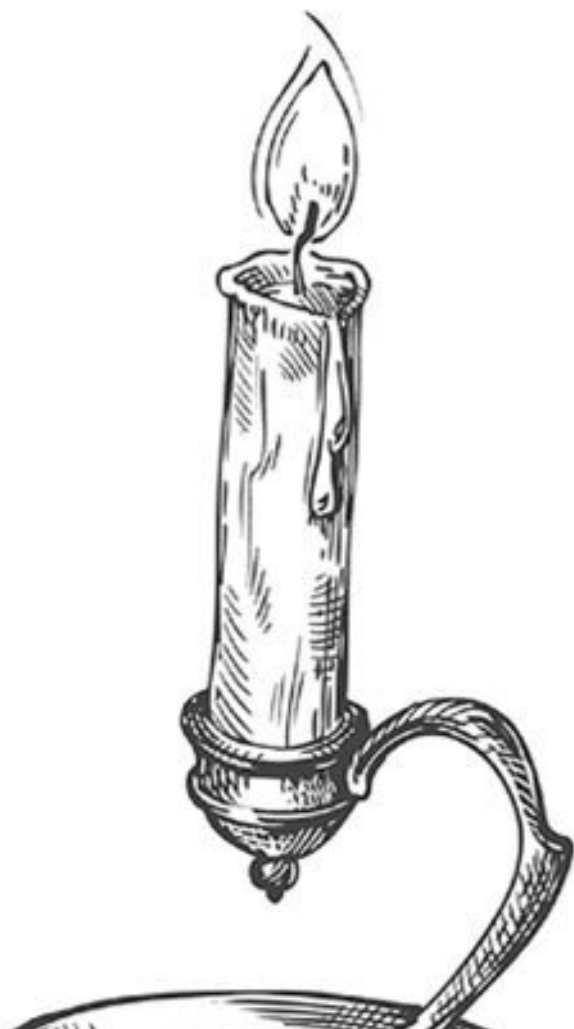
Он знал, что влюбленность ей раньше была чужда, так как на балу она призналась, что поддалась такому заблуждению в отношении юриста. Она, казалось, даже не была увлечена романтической литературой, и он часто задавался вопросом, как можно завоевать такое упрямое сердце.

И теперь, когда оно принадлежало ему, он растоптал его.

Он не заслуживал ее, знал это каждой клеточкой своей души и все равно должен был попробовать.

Он даже не заметил, как снова сел за стол и развернул новый лист бумаги. И когда его перо закрипело по шершавой бумаге, а на белые волокна попали черные чернила, Томас все еще не понимал, как ему вынести тот факт, что ее нет, что он отпустил ее.

Возвращайся ко мне.

Исторический роман

На самом деле я никогда не планировала писать исторический роман. Я всегда думала, что собирать для него материал будет неинтересно и скучно, но так или иначе предпочла отказаться от фэнтези.

История *«Книжных хроник»* занимала меня довольно долго, а Викторианская эпоха всегда очаровывала.

Моя любовь к этому времени началась с *«Этюда в багровых тонах»* Артура Конана Дойля, продолжилась, когда во время обучения моим любимым предметом стала история костюмов, и возросла за счет исторических кинофильмов и детективных сериалов.

Вначале мне действительно было трудно проводить исследование. Три четверти часа я потратила на то, чтобы выяснить, как называют людей, которые в то время вечерами ходили по улицам с длинными шестами, чтобы вручную зажечь керосиновые фонари.

И вы не поверите, их называют фонарщиками. (Звук удара головы о стол.)

Но, как только начал исследование, уже не можешь остановиться. Вы знали, что холеру с помощью пенициллина можно было вылечить только после 1900 года? Или что водостойкая тушь для ресниц была изобретена не косметологом или химиком, а актрисой-певицей, которая когда-то случайно придумала, чтобы ее грим держался на сцене во время

всего выступления?

Стихотворение моей любимой

Мы приглашаем

Вас
На свадьбу

Генри У Райер
Крамб Коэн

08. Апреля 1891

Ваше присутствие доставит радость
и окажет нам честь

Генри Крамб

Лучи солнца играют в твоих волосах,
Ты сжимаешь в руках чашку чая с блюдцем,
Улыбаешься нежно, устами маня,
А в глазах твоих зайчики солнечные смеются.

Мое сердце живет только ради тебя.

Ресницы твои, опускаясь на щеки,
Прикрывают ласковый, теплый взгляд.
Мы целуемся, и ради этого мига
Я готов обойти сотни миль подряд.

Мое сердце живет только ради тебя.

Мы все ближе друг к другу, касаясь лбами,
Тени листьев скользят по нашей коже,
Ты тепла и светла, словно жаркое лето,
Для меня никого нет тебя дороже.

Где ты, там и я.

Твои руки – мой дом,
Биение сердца – мелодия,
Я живу только ради тебя.

Генри Крамб

Динамика отношений между братьями и сестрами – это нечто особенное. Вы ненавидите друг друга, любите. Вы делаете все друг для друга, но не отдадите последний кусок пирога.

Когда я придумала Анимант, то знала, что она не может быть единственным ребенком в семье. В ее характере было что-то от младшей сестры.

А значит, был необходим старший брат.

Я не долго думала о Генри, пока он вдруг не встал перед ней в библиотеке и не сопровождал на обед. Неосознанно он сразу же получил часть характера, присущую моему брату. Открытый взгляд, поддразнивания, забота о других. Только таким же нахальным, как мой брат, он так и не стал.

Однако он превратился в гораздо более важного персонажа, чем ожидалось. Его подбадривания в значительной степени способствовали тому, что во второй день Анимант все-таки отказалась признать поражение и вернуться домой. Он также стал первым, кто не думал плохо о мистере Риде, так как видел в нем те же достоинства и недостатки, что и у своей сестры, о чем он ей и сказал.

Мне нравится, как они поддерживают друг друга, придумывают планы и держатся вместе.

Это открыло мое сердце для Генри Крамба, и я решила, что «*Книжные хроники*» не должны закончиться, пока у него не появится взаимная любовь. Так и произошло.

Рейчел Коэн

Во время своего исследования для *«Книжных хроник»* я наткнулась на статью об антисемитизме.

Когда вы слышите о преследованиях евреев, речь обычно идет о Второй мировой войне. Поэтому я была в шоке, когда прочитала, как давно это началось.

После я подумала, что в общем-то это логично. Иррациональные образы врага не создаются в одночасье.

Даже в Викторианскую эпоху существовали ужасные предрассудки по отношению к евреям. Если кто-то другой совершал мелкое правонарушение, то обязан был выплатить штраф, еврея же могли повесить без всякого суда. Их оскорбляли и смотрели на них свысока, хотя они часто занимались финансами и, следовательно, тоже были богатыми.

Я так прониклась этой статьей, что решила осветить эту проблему в «Книжных хрониках», по крайней мере, чтобы указать, насколько ужасными могут быть предрассудки. И Рейчел помогла мне решить проблему, которая так же волнует нас и сегодня.

Это может быть и не иудаизм, а какая-то другая религия. Иногда это цвет кожи, или национальность, или что-то совсем другое. Но предрассудки делают нас слепыми к сердцам людей.

У нас у всех есть проблемы, чувства, заботы, надежды, це-

ли и желания. И часто бывает действительно интересно расширить границы своего мышления и просто оставить предвзятости в стороне.

«Люди делают плохие вещи, но это связано не с их религиозными установками, а с тем, что они люди».

О мелочах, которые меняют мир

1

Пальцы Рейчел летали по клавишам фортепиано, заставляя молоточки задевать струны и высвобождать звуки, которые образовывали аккорды и наконец складывались в мелодию.

В этом была магия ее пальцев.

Папе нравилась эта песня. Она слышала, как он насвистывал ее в холле, что показывало его хорошее настроение и гарантировало, что он будет добрее к Янушу, когда выйдет из дома и скажет ему что-нибудь по дороге.

В этом была настоящая магия ее пальцев.

Кто знал, на что еще они способны. Возможно, кучер услышал ее песню на улице, отвлекся на нее и стал причиной несчастного случая. Могли бы пострадать люди.

Или же джентльмен поднял взгляд на открытое окно музыкального салона, чтобы узнать, кто же играл эту мелодию, и увидел молодую леди в шелковом платье, с которой они непременно влюбились.

И все это сотворили ее пальцы.

Малейшие действия имели непредвиденные последствия.

В некоторые дни Рейчел любила размышлять над всеми возможностями и воспринимала их как большое приключение. В другие же чувствовала себя подавленной трагичностью этой мысли и больше всего боялась того, что может произойти.

Запах свежееиспеченного печенья ударил ей в нос, и она прервала свою игру посреди такта, что всегда раздражало Мириам, которая ругалась на нее, чтобы она хотя бы доиграла до конца. Но Рейчел это не беспокоило, ей даже нравилось тем самым немного позлить сестру.

Что еще она могла сделать, чтобы скрасить свой день? Здесь никогда не происходило ничего неожиданного. Повседневная жизнь была настолько угнетающе однообразной, что Рейчел иногда задавалась вопросом, действительно ли она реальна или это просто призрак ее самой, загнанный в день сурка.

Вздохнув, она встала, закрыла окно музыкального салона и спустилась, ведомая запахом, вниз по лестнице на первый этаж.

Софи вытащила из духовки противень и крикнула что-то миссис Гудбоди, но ее слова потонули в грохоте кастрюль. Когда ее взгляд упал на Рейчел, которая молча стояла в ожидании, когда ее обнаружат, она добродушно улыбнулась и протянула девушке противень.

– Осторожно, горячее, – предупредила служанка, и Рейчел взяла кончиками пальцев одно восхитительное круглое

печенье, источавшее аромат сахара и масла.

Все еще держа его и слегка обжигая пальцы, она захотела выпить чаю с этой выпечкой.

Поскольку и Софи, и миссис Гудбоди были заняты, Рейчел вошла в кухню, взяла чайник и сама наполнила его водой. Она проигнорировала неодобрительный взгляд кухарки, надеясь, что та не выдаст ее.

Папа был строг, когда дело касалось подобных вещей. По его мнению, его дочери – принцессы и должны наслаждаться своей жизнью. Жить без забот, не шевелить и пальцем и быть рядом с кем-то, кто лишь по одному взгляду понимал все их желания.

Но эта жизнь походила на золотую клетку, а Рейчел была птицей, которая не могла понять, почему ей никогда не разрешали учиться летать.

Два великолепных журавля украшали керамическую баночку, которую Рейчел взяла с полки и нетерпеливо открыла крышку. Но там было пусто.

– У нас не осталось «дарджилинга»? – спросила она, когда Софи пронеслась мимо нее, бросив извиняющийся взгляд.

– Вчера закончился. Я могу принести его завтра, если хотите, мисс, – ответила женщина. – Сделать вам вместо него «Эрл Грей»?

Рейчел покачала головой и слегка скривила рот, прежде чем смогла сдержать отвращение, проявившееся на ее лице. Она не любила «Эрл Грей» и ненавидела сильный запах бер-

гамота. Он напоминал ей мыло.

– Нет, спасибо, дорогая Софи, – мягко отказалась она, взяла печенье и покинула кухню.

Прежде чем она успела откусить кусочек, Мириам уже отломила половину от ее воздушного печенья и сунула его себе в рот. Рейчел захотела было выразить свое недовольство и потребовать вернуть кусок, но остановила себя. Потому что, во-первых, его уже проглотили, а во-вторых, Мириам просто хотела, чтобы девушка разозлилась на нее.

Кроме того, на кухне была целая армия этого печенья.

– Пойдем в город, – предложила Мириам, все еще жуя, и с озорством схватила Рейчел за руку.

Рейчел лишь слабо улыбнулась.

– Не думаю, что у отца есть время сопровождать нас, – ответила она, в то же время понимая желание сестры не быть больше запертой в стенах этого дома. Ее взгляд упал на окно, за которым на залитых солнцем улицах Лондона цвела жизнь.

– Я думала пойти одним. Только ты и я, – объявила Мириам, и Рейчел охватил ужас. Она распахнула глаза и пораженно уставилась на сестру, которая лишь ненамного старше ее.

С любимым другим она бы просто рассмеялась, приняв это за плохую шутку, но, зная Мириам, та всегда серьезно относилась к подобным задумкам. Она была непредсказуемой и безудержной, рвала оковы своей жизни, как дикая лошадь,

и вырывалась из них всякий раз, когда появлялась возможность.

– Отец не разрешит, – Рейчел напомнила ей правило, но Мириам просто отмахнулась от этого.

– Тогда уйдем, не спрашивая. Ты знала, что Мария должна просто ставить в известность экономку, прежде чем уйти? Можешь в это поверить? – с волнением произнесла она, потянув Рейчел за собой.

Рейчел не сопротивлялась, даже сама этого хотела, хотя и не могла в этом признаться. Искра бунтарства боролась внутри нее со страхом перед миром. Одно слово, и все изменилось. Кто-то сказал ей «еврейка», и вся уверенность исчезла, оставив ее в городе, в котором ненавидели кого-то вроде нее. Мельчайшие мелочи меняли и большие вещи. Одно семя могло перевернуть мир с ног на голову.

Мириам ловкими пальцами повесила ей на талию кошелек так, чтобы он стал украшением и подходил по цвету к светло-голубому шелку юбки. Пальцы Рейчел тут же нашли на нем кисточку, и она начала нервно играть с нитками.

– Мы же на самом деле не сделаем это? – поинтересовалась Рейчел, спускаясь по ступенькам обратно на первый этаж и беспокоясь о том, чтобы отец не услышал их из своего кабинета.

– Почему же, Рейчел! – воскликнула Мириам, отчего Рейчел бросило в жар и холодный пот одновременно.

– Что если с нами что-то случится? – спросила она, почув-

ствовав, как страх все больше и больше сжимает ей горло.

Мириам посмотрела ей в глаза и лукаво улыбнулась.

– Разве не ты говорила, что лишь один неверный шаг может привести к тому, что ты упадешь с лестницы и сломаешь себе шею? Не все ли равно, погибнем мы здесь или там? – Она вызывающе приподняла бровь, что было настоящим искусством. Сколько бы Рейчел ни старалась, у нее всегда устремлялись наверх обе брови.

Рейчел отвернулась и так крепко вцепилась в перила лестницы, что у нее заболели пальцы.

– Я предпочитаю совсем не умирать, – просто ответила она, и Мириам рассмеялась.

Рейчел завидовала ей. В глазах сестры сияла веселость, в ее позе проявлялась смелость, а в голове кружилась легкая нота безумия. Она не обдумывала вещи, а просто делала их, и Рейчел часто хотела быть больше похожей на свою сестру.

Но она была совсем другой: застенчивой, тихой и всего боялась. Мир был таким огромным, что даже мысль об этом угнетала ее. На свете жило так много людей с таким же количеством различных историй, которых она не знала и никогда не узнает, из-за чего одиночество в этом доме сводило ее с ума.

Лишь один шаг, и она упала бы с лестницы. Лишь один шаг, и она встретила бы на улице людей, которых никогда раньше не видела, или же не последовала бы за Мириам и снова оказалась бы в музыкальном салоне.

Чья-то жизнь могла кардинально измениться, если бы она вышла на улицу. Ее жизнь могла кардинально измениться.

Покалывающее волнение охватило ее, и она кивнула Мириам, которая тихо завизжала от удовольствия, увлекая ее за собой.

– Мы уходим, – сообщила она миссис Гудбоди, и, прежде чем кухарка успела хоть что-то ответить, девушки уже направились к двери.

2

У Мириам была цель. Она ничего не сказала, но Рейчел сразу почувствовала это по характеру ее шагов, устремленному вдаль взгляду и стремительной походке.

Они купили билет и доехали на дергающемся и скрипучем трамвае до центра города. Люди толпились вокруг них, и при каждом взгляде, останавливающимся на них дольше секунды, Рейчел с колотящимся сердцем начинала бояться, что они узнают, кто она такая.

Но никто не обращал на них внимания. Мириам рассказывала что-то о цветочном рынке и разнообразии цветов. Рейчел старалась слушать ее, отвлечься и не паниковать только потому, что дама позади нее на каждом повороте дороги задевала ее своим кринолином.

Когда они ступили на мостовую центра города и небо над ними затянулось, как недостижимый голубой шелковый

шарф, у Рейчел перехватило дыхание. Ощущение свободы было таким подавляющим и нервным, что она предпочла бы вернуться домой.

Но Мириам продолжала невозмутимо идти вперед, и Рейчел следовала за ней по пятам, чтобы не отстать. Она взяла ее под руку, цепляясь за нее, пока Мириам не начала смеяться.

– Никто тебя не укусит, – посмеялась она над страхом Рейчел, на что та недовольно поджала губы, но не нашла остроумного ответа.

Их туфли стучали по тротуару, и этот стук смешивался со всеми остальными звуками города. Гул голосов, крики каких-то рыночных торговцев совсем рядом, грохот карет и пронзительный звук сигнального свистка полицейского. Люди проходили мимо них, шли своей дорогой, имели свои цели, и воздух был исполнен надежд и желаний, устремленных вверх и запечатленных в шелковой пелене неба.

Сестры подошли к главной площади, и Мириам действительно не обманула: вся территория была полна цветов. Рейчел приоткрыла рот, когда они вошли на цветочный рынок, и аромат сладких цветов окутал ее, словно они вместе попали в сказку. Пионы и герани, подсолнухи и гладиолусы, гипсофилы и папоротники. Словно сад создан рукой Господа. И все пытались продать им эти цветы.

– Розу для прекрасной леди? – обратилась к ней молодая женщина и показала красивый нежно-розовый цветок.

Но Рейчел покачала головой и еще выше подняла плечи,

которые и без того казались чересчур напряженными.

Мириам не останавливалась, чтобы взглянуть на ларьки, тянула сестру все дальше и дальше, до задней части рынка, где торговали гончарными изделиями и резными товарами из дерева. Целенаправленно она подошла к стойке с высокими, искусно расписанными вазами, и Рейчел с изумлением увидела, как румянец вспыхнул на щеках сестры, когда молодой человек за стойкой поднял взгляд. Улыбка расплзлась по его пухлым губам, и Мириам ответила тем же.

В голове Рейчел пронеслась мысль о том, что эти двое знали друг друга, и внимательно посмотрела на молодого человека. Лицо его было угловатым, с сильно выраженной челюстью, а темные волосы блестели на утреннем солнце. Она точно его уже видела. Перед их домом, всего несколько недель назад. Он приносил цветы.

– Доброе утро, мисс Коэн, – поприветствовал он Мириам таким явно обходительным тоном, что Рейчел испуганно отпустила руку сестры.

– Мистер Робинтон, – как кошечка промурлыкала Мириам, и Рейчел растерянно уставилась на нее.

Наконец она поняла. Мириам встречалась здесь с этим мужчиной. Не с тем, которого отец выбрал для нее и тщательно проверил, прежде чем разрешить ему поговорить с ней. А с рыночным торговцем, лондонским мальчиком.

Но зачем ради этого она вытянула Рейчел из дома, было для нее загадкой.

– Кто сегодня вас сопровождает? – спросил он Мириам и, казалось, не мог решить, улыбнуться ли и Рейчел, потому что уголки его рта непроизвольно подергивались.

– Моя сестра, – с некоторым смущением сообщила Мириам, и ее лицо засветилось, как зал, полный свечей.

Мистер Робинтон кивнул.

– Рад познакомиться с вами, мисс. Мириам всегда говорила о вас с большой любовью.

По рукам Рейчел пробежали мурашки, и она не могла не посмотреть на свою сестру. Потому что заявление молодого человека совершенно очевидно указывало на то, что эти двое встречались уже не раз.

И она даже не догадывалась об этом.

– Почему ты ничего не рассказала мне? – спросила она Мириам, не обращая внимания на мистера Робинтона, на что та лишь смущенно пожала плечами.

– Я не знаю. Боялась, – прошептала она, и Рейчел, хотевшая сначала рассердиться на сестру, вздохнула, потому что слишком хорошо понимала ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.